

1.3. Предметная область экологии человека в контексте нового понимания принципа целостности

Как мы уже отмечали ранее, экология человека с 20-х гг. прошлого столетия прошла путь от дисциплины (с неясным предметом, целями и задачами, неясной понятийной основой), стоящей близко к социологии и географии, до комплексного междисциплинарного научного направления, почти оформившегося в синтезирующую социально-естественнонаучную дисциплину. Несмотря на изначальную близость к социологии и географии (в первую очередь, на Западе), экология человека развивалась в дальнейшем вплоть до 70-х гг. (в отдельных случаях – и до конца 80-х гг.) преимущественно в медико-биологическом направлении. Однако в дальнейшем, в связи с открытиями в разных сферах научного знания, обострившимся экономическим, экологическим, цивилизационным, духовным кризисом, в науке (в том числе, и в экологии, о чем мы писали ранее) наметился период смены парадигм, а в обществе наметились тенденции осознания необходимости формирования новой ценностной парадигмы. В исследованиях по экологии человека появилось сначала интуитивное, затем – осознанное понимание того, что эта синтезирующая дисциплина должна выйти за рамки медико-биологического уровня.

Понимание того, что взаимодействие человека с окружающим миром есть, прежде всего, его мироотношение, и включение проблем мироотношения в свою предметную область сразу вывело экологию человека на общий научно-теоретический и даже мировоззренческий уровень. Поэтому, на наш взгляд, экология человека представляет собой новый уровень осмысления реальности, включающий в себя медико-биологический, научно-теоретический и философско-методологический аспекты. Два последних аспекта, естественно, находятся в стадии формирования. В случае полноценного их развития экология человека может перерасти в мегатеорию, которая могла бы лечь в основу полноценной общей теории взаимодействия природы и общества и

целостной концепции человека, социальный заказ на которые уже давно созрел в обществе. Но, на наш взгляд, такая перспектива возможна только при условии включения в предметную область, цели и задачи экологии человека понимания человека, прежде всего, как существа духовного. То есть экология человека должна иметь в виду в своих исследованиях Человека с его развитием, с развитием его мироотношения в сторону духовности. А, значит, в ее предмет и задачи должно входить не просто исследование взаимоотношений Человека с окружающим миром, не просто здоровье в физиологическом плане (что раньше составляло предмет и задачи экологии человека), а духовное здоровье Человека. При этом надо учитывать, что под духовностью мы понимаем не только и не столько мораль, а осознание своего единства с окружающим миром, что будет находить отражение в мироотношении Человека с вытекающей из него стратегией поведения, поведенческим императивом, определяющим жизнь в гармонии, сотрудничестве, заботе об окружающем мире.

Экология человека, ставящая одной из основных своих задач такое понимание духовности, духовного здоровья Человека, может внести большой вклад в формирование новой ценностной парадигмы. Такое понимание духовности имеет своим философским основанием новое понимание принципа и феномена целостности. Мы уже подробно исследовали новое понимание принципа целостности в первом параграфе данной главы, поэтому только отметим еще раз, что, если раньше наука опиралась на такое понимание целостности, в котором делался упор или акцент на внутренней детерминированности, самодостаточности объектов, то в новом понимании принципа целостности акцент делается на «извне-окружении» объектов, т. е. на всеобщих связях. Тогда понимание духовности, изложенное нами выше, и составляет, на наш взгляд, сущность целостного понимания человека, или: сущность Человека составляет такая духовность.

С другой стороны, каждый человек есть сплав, целостность природных, психических, социальных и духовных качеств, которые составляют человеческую субъективность. И, как заметил В.С. Барулин, эта субъективность интегрируется, цементируется в нечто целостное именно духовностью [143], которая выводит человека за природные пределы и позволяет ему рефлексировать над собой, видеть и оценивать свои телесно-биологические проявления, испытывать многообразные чувства по отношению к себе и другим людям. Через духовность человек ощущает и понимает себя как существующее целое – целое в телесном контуре и

целое в связи с миром культуры. В духовности как сущности человека диалектически воплощаются «бытие-для-себя» и «бытие-для-других».

Обращаясь к истории философии, можно увидеть, что представление сущности как духовного начала, организующего все стороны бытия вещей, присутствует уже в концепциях античности. По Платону, любая вещь (в том числе и человек) начинает существовать, когда в ней присутствует эйдос – идея. «Любая вещь возникает через ее причастность особой сущности», говорит Платон в диалоге «Федр». Идеи, как подлинные сущности вещей, существуют объективно, вне самих вещей, как их прообразы.

Аристотель критиковал Платона за утверждение о раздельном существовании духовной сущности вещей и самих вещей, указывая, что «вопрос о том, что такое сущее, – этот вопрос сводится к вопросу, что представляет собой сущность» [144, с. 83]. Сущность вещи, понимаемая как совокупность существенных необходимых свойств вещи, есть ее идея, и она находится в самой же вещи [145, с. 314]. В рамках исследования человека как системной целостности методологически важным является положение о единстве сущности и бытия (существования) вещей. Поскольку именно благодаря сущности (сути бытия) всякое сущее есть то, что оно есть, то сущность – это и начало, и причина; именно в ней следует искать источник связи следствия с его причиной; «Сущность является началом всего, ибо суть вещи служит началом и для умозаключения, и для процессов возникновения» [144, с. 119].

Методологическое значение категории «сущность человека» в системно-целостном исследовании человека определяется доминантным положением духовности, составляющей содержание этой категории, в структуре человека. Зная, что подсистемы «природа человека» и «сущность человека» определенным образом иерархически соотносятся, возможно обнаружить и исследовать механизмы внутреннего единства в человеке природного и духовного, духовного и социального, а также природного и социального через опосредование духовным.

В понимании духовности, изложенном нами ранее, отражены современные тенденции синтеза, интеграции в развитии философско-антропологического знания.

Как говорил в своих лекциях, оформленных в виде книги «Картезианские размышления» (1993), Мераб Мамардашвили, рассуждая о преемственности в философии, если кто-то, когда-то выполнил акт философского мышления, то в нем есть все, что вообще бывает в философском мышлении и что мы не можем сегодня мыслить так, как если бы не было Декарта, Канта или Платона [146].

Возвращаясь к изложенному выше пониманию духовности, необходимо отметить, что в нем находят отражение и метафизика, и диалектика (как гегелевская, так и материалистическая), материализм и идеализм. Это и метафизика Платона [147], разработанная им уже как специально обоснованный метод, и метафизика Аристотеля [144]. Мы имеем в виду, в первую очередь, учение о душе. Хотя понятие «душа», как известно, появляется уже в раннем пифагореизме как учение о бессмертии души и метемпсихозе. Развернутое учение о душе разработано Платоном в «Государстве», причем наиболее важным в нашем случае является в нем положение о том, что душа обладает свободой воли и сама может совершать акт выбора, после чего она попадает в сферу необходимости, испытывая тогда результат своей осмотрительности или неразумия. Кстати, это положение, а также разработанное в «Федре» учение о самодвижной душе как принципе движения всего неодушевленного, повлияли на христианство и средневековые учения о душе, породив споры о несовместимости платонизма и христианства (Георгий Трапезундский и Виссарион Никейский, защищавший Платона от нападок первого). Это и учение Аристотеля, рассматривавшего душу в своей системе категорий как сущность, или первичную осуществленность, энтелехию естественного органического тела, потенциально обладающего жизнью. Особенно важно в его учении о душе положение о том, что нет души самой по себе, но есть живое существо, состоящее из души и тела. И хотя Аристотель отказывается от представления о мировой душе, однако вместо нее он рассматривает природу, которая имманентна миру так же, как отдельная душа – отдельному живому существу.

В дальнейшем платоно-аристотелевские представления о душе находят отражение в христианских представлениях о душе, изложенных, скажем, в трактате Немесия Эмесского «О природе человека», а также в арабо-мусульманской традиции исследования «нафс» (души). В дальнейшем практически все крупнейшие философы так или иначе рассматривали вопрос о мировой душе, о соотношении души и тела: это и Декарт, противопоставлявший душу и тело, и Локк, утверждавший, что бессмертие души недоказуемо, и Юм, утверждавший, что у души и тела все общее, и Лейбниц со своим учением о монадах, каждая из которых есть микрокосм, в котором снята противоположность мышления и протяжения, и Беркли, утверждавший, что нет иной субстанции, кроме духа, или души, и Х. Вольф, пытавшийся в своей эклектической системе примирить разные точки зрения, и И. Кант, видевший в бессмертии души теоретически недоказуемый постулат практического

разума, и т. д. Кроме того, в указанном понимании духовности находит отражение и материалистическая диалектика, и гегелевская диалектика, которую, как считают многие западные исследователи, К. Маркс и Ф. Энгельс препарировали, заменив мировой дух материей. Находят отражение в таком понимании духовности и восточные представления о духовной эволюции как таком же реальном явлении, как биологическая (с точки зрения материализма) эволюция [148].

Изложенное нами ранее понимание духовности может отчасти «вместить» в себя и религиозное понимание духовности, скажем, в христианстве. Христианские мыслители не оставили разработанных систем антропологии, но, опираясь на библейские тексты, возможно определить доминантное ядро человеческой целостности по Библии. Бог создал человека в шестой день творения по образу и подобию Своему. В Библии об этом говорится так: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Превосходство человека над всем сущим объясняется в теологической модели его принадлежностью к двум мирам – видимому физическому и невидимому духовному (трансцендентному).

В Библии четко разграничены в человеке естественная (биологическая) и сверхъестественная (теологическая) сферы. К первой относится человеческое тело, генеалогия которого выводится непосредственно из природного вещества («прах земной») и которое подчинено законам животного бытия. Ко второй относится «душа живая», несущая печать Божественного Духа», так как сам Бог вдунул в человека дыхание жизни. От Апостола Павла берет начало трихотомия – тройственное деление человеческого существа, которое включает тело, душу, дух. Высшее начало, сущность человека – Дух, одухотворяющий тело и душу. Разработка темы духовности, понимаемой как устремленность человека к Богу, в теологической модели человека в настоящее время является одним из методологических оснований христианской психологии.

Философским основанием экологии человека, в которой имеется в виду Человек как таковой, в его имманентной сущности, должно быть изложенное нами понимание духовности, основанное на новом понимании принципа целостности. Такое философское основание представляет собой, на наш взгляд, пример «интегральной» философии, поскольку такая духовность и такой принцип целостности позволяют признать полезными для их понимания разные, на первый взгляд, выражаясь языком М. Мамардашвили, «акты философского размышления».

Естественнонаучным основанием нового понимания принципа целостности в первую очередь являются, на наш взгляд, теория единого поля, холономно-голографический подход, «шнуровочная философия» Джеффри Чу, теория диссипативных структур (теория флуктуаций) И. Пригожина и И. Стенгерс, теория процессов Артура Янга, теория самоорганизации. Все эти концепции позволяют выявить и обосновать: 1) важность всеобщих связей, взаимосвязь всего со всем; 2) основоположение о том, что внутри этой «всеобщей взаимосвязи» элементы этой всеобщей целостности не только выполняют функцию соподчиненности, но и могут в определенных состояниях системы – точках бифуркации – влиять на состояния этой «всеобщей целостности», определять сценарии ее будущего.

Такое понимание духовности, основанное на новом понимании принципа целостности, где акцент делается не на внутренней детерминированности, самодостаточности объекта, а на его «извне-окружении» (т. е. всеобщих связях), представляет собой синтез восточного и западного понимания духовности, западного и восточного понимания единого, единства.

Понятие целостности в философии, как известно, тесно связано с понятием единого, единства. Особенно это важно в контексте изложенного нами нового понимания (на наш взгляд) принципа целостности. Понятие единого или единства является одним из фундаментальных в философии и признается таким же важным, как понятие бытия. Признание первенства в смысле верховного начала за одним из них сформировало в философии метафизику генологии и метафизику бытия. Хотя, как признают многие философы, не всегда удается четко выявить различие между генологией и онтологией. В контексте «интегральной» философии и в рамках нашего исследования может быть полезной, скажем, и метафизика генологии Платона, и метафизика Аристотеля. Полезным и интересным (для нашего исследования) представляется вывод Платона о том, что единое не есть бытие, а оно сверхбытийно и является необходимой предпосылкой как бытия, так и познания. В метафизике Аристотеля интересен вывод о том, что ни единое, ни бытие не имеют самостоятельного существования помимо единичных вещей. В этом выводе важна вторая часть – в контексте нового понимания соотношения части и целого. Интересны попытки объединения генологии с метафизикой Аристотеля у Порфирия. Представляется полезным и неоплатоническое учение о едином Николая Кузанского, в котором (в отличие от Платона) единому ничто не противоположно, а, значит

единое есть все, единое как «абсолютный минимум» тождественно бесконечному – «абсолютному максимуму». «Максимальность» у него совпадает с единством, которое есть и бытие.

Возвращаясь к новому пониманию принципа целостности, необходимо отметить, что такой принцип целостности опирается на холономно-голографический подход. В основе этого подхода лежат так называемые холономные, или холографические принципы, которые были открыты и разработаны в последней трети прошлого столетия в результате серьезных исследований в области математики, лазерной технологии, голографии, квантово-релятивистской физики и в исследованиях мозга. Эти принципы, как считают многие исследователи, являют собой захватывающую альтернативу конвенциональному пониманию отношений целого и его части. Холономный подход, выделяющий интерференцию волновых паттернов, а не механические взаимодействия, и информацию, а не субстанцию, представляет собой, по мнению многих ученых, многообещающий инструмент для нужд современного научного понимания волновой природы Вселенной [11]. Новые интуитивные прозрения затрагивают такие фундаментальные проблемы, как упорядочивающие и организующие принципы реальности и центральной нервной системы, распределение информации в космосе и мозге, природа памяти, взаимоотношение части и целого. У современного холономного подхода к Вселенной есть исторические предшественники в древней индийской и китайской духовной философии, в монадологии Лейбница. Холистический взгляд на Вселенную, воплощающий одно из наиболее глубоких прозрений, когда-либо достигнутых человеческим разумом, можно найти в китайской школе Хуа-янь [154]. Холономные принципы современной научной методологии были разработаны, в первую очередь, на концепции холодвижения выдающегося физика-теоретика Дэвида Бома [49; 11], автора фундаментальных текстов по теории относительности и квантовой механике.

Согласно его концепции, мир – постоянный поток, и потому стабильные структуры любого рода – не более чем абстракция. Любой доступный описанию объект, любая сущность или событие считаются производными от неопределимой и неизвестной всеобщности. Явления, которые мы воспринимаем непосредственно нашими чувствами и при помощи научных инструментов – т. е. весь мир, изучаемый механистической наукой – представляют лишь фрагмент явного порядка бытия. Это – особая форма, источником и генерирующей матрицей которой является более фундаментальная всеобщность существования

– свернутый или имплицитный (неявный) порядок, в котором эта форма содержится и из которого возникает. В таком имплицитном порядке пространство и время уже не являются доминирующими факторами, детерминирующими отношения зависимости или независимости различных элементов. Различные аспекты существования значимо связаны с целым, они выполняют особые функции ради конечной цели, а не являются независимыми строительными блоками. Тогда образ Вселенной напоминает живой организм, органы, ткани и клетки которого имеют смысл только в отношении к целому. В отличие от идеалистов и материалистов, Д. Бом полагает, что материю и сознание нельзя объяснить друг через друга или свести друг к другу. И та, и другое, по Д. Бому, абстракции имплицитного порядка и представляют поэтому нераздельное единство. Похожим образом знание о реальности вообще и наука, в частности, – это абстракции всеобщего потока [49; 11]. Кстати, надо отметить, что современная «интегральная» философия рассматривает отношение материи к сознанию как соотношение корпускулы и волны (в грубом приближении).

Большую роль в открытии и разработке голономных принципов сыграла техника голографии, математические принципы которой были разработаны английским ученым Д. Гэбором, получившим за свое открытие Нобелевскую премию за 1971 год. Так называемые голограммы, получаемые с помощью техники голографии, обладают интересными свойствами, связанными с возможностями запоминания и воспроизведения информации. Оптическая голограмма имеет распределенную память, любая ее малая часть, объем которой позволяет вместить полную дифракционную картину, содержит информацию обо всем образе в целом. Уменьшение размеров части голограммы, используемой для воспроизведения образа, будет связано с некоторой потерей разрешающей способности или с возрастанием информационного шума, но основные характеристики целого сохраняются. Голографический подход позволяет представить, как информация, опосредуемая мозгом, становится доступной каждой его клетке, как генетическая информация о целом организме содержится в каждой отдельной клетке тела.

Демонстрация того, как элегантно может быть трансцендировано кажущееся неопреодолимым различие между частью и целым, является, вероятно, самым значительным вкладом голографической модели и в теорию современных исследований сознания, которая, по мнению крупнейших ученых, будет составлять важнейшую часть «Теории Всего» [11]. Голографический подход, как считают многие исследователи,

является уникальным концептуальным средством, чрезвычайно полезным для понимания принципа целостности, который в сочетании с теорией систем и теорией диссипативных структур дает понимание того, как в любой сколь угодно малой части системы содержится информация обо всей системе, а от «поведения» этой самой части в системе открытого типа (какой является человеческое сообщество), находящейся в точке бифуркации, т. е. неустойчивости, зависит будущее состояние всей системы. Кстати, в античной философии, есть очень яркий пример парадоксального вывода о том, что часть эквивалентна целому, а именно: знаменитые апории Зенона. Так, в его апориях было показано, что любой путь, который должно пройти движущееся тело, может быть рассмотрен в качестве бесконечного множества точек, а любой отрезок этого пути также предстает как бесконечное множество точек, что и приводит к выводу о том, что часть эквивалентна целому.

Новое понимание принципа целостности, лежащее в основе нового целостного понимания человека, сопряжено с принципами эволюционизма, детерминизма и системности.

Наибольшим эвристическим потенциалом в процессе исследования человека как целостности обладает принцип системности, который является важной частью философского обоснования системного подхода. В результате исследований Г. Хакена, И. Пригожина, И. Стенгерс, приведших к формированию новой междисциплинарной науки о самоорганизации систем – синергетики, системный подход получил новое звучание. К. Майнцер, президент Немецкого общества по изучению сложных систем и нелинейной динамики, замечает, что в условиях современного мира линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным и даже опасным. «Наш подход, – пишет он, – предполагает, что физическая, социальная и ментальная реальность является нелинейной и сложной. Этот существенный результат синергетической эпистемологии влечет за собой серьезные последствия для нашего поведения. Стоит еще раз подчеркнуть, что линейное мышление может быть опасным в нелинейной сложной реальности... Наши врачи и психологи должны научиться рассматривать людей как сложных нелинейных существ, обладающих умом и телом... Мы должны помнить, что в политике и истории монокаузальность может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму» [149, с. 62].

В исследованиях человека как целостности в рамках системного подхода предполагаются, в первую очередь, качественный анализ и раскрытие механизмов внутренней интеграции этой целостности (че-

ловека). Развернутую трактовку принципа системности дают И.В. Блауберг, Э.М. Мирский, В.Н. Садовский. «Принцип системности, – пишут они, – представляет собой философский принцип, и в его содержание входят философские представления о целостности объектов мира, о соотношении целого и его частей, о взаимодействии системы со средой как об одном из условий существования системы, об общих закономерностях функционирования и развития системы, о структурированности каждого системного объекта и т. п.» [150, с. 54].

Понятие «система», как известно, претерпело длительную историческую эволюцию, в результате которой во второй половине прошлого века оно (понятие «система») становится одним из важнейших философско-методологических и специально-научных понятий. Понятие «система» в науке и технике традиционно означает сложноорганизованную целостность, целостное образование, единство множества закономерно связанных друг с другом элементов, в качестве которых могут рассматриваться предметы, явления, процессы и т. д. Теория самоорганизации обосновала существование особого типа систем – так называемых самоорганизующихся систем. Эти системы характеризуются сложной иерархической организацией, внутренним и внешним функционированием, саморегуляцией на основе обратной связи, способностью изменять свои состояния, сохраняя качественную определенность, исторической динамикой, выражающейся в закономерном процессе возникновения, эволюционирования и гибели данной системы [151, с. 19]. Современная наука относит и человека к такого типа системам.

Первое, что дает понятие «система» – точное обозначение целостного объекта и фокусировку познания на нем. Уже это создает некую гносеологическую установку («призму видения»), ставит исследователя перед необходимостью изучения: а) предмета как целого; б) законов его образования; в) единых закономерностей данного объекта.

Американский социолог Т. Парсонс, основатель школы структурного функционализма, опираясь в своих исследованиях социальных систем на общую теорию систем Л. Берталанфи, пришел к выводу о том, что для существования любой системы необходимо, чтобы она отвечала четырем функционально необходимым условиям: адаптации, целеполаганию, интеграции и латентности (концепция AGIL). Особую роль здесь играет интеграция – обеспечение единства всей системы внутренней координации ее элементов. В этом смысле интеграция может рассматриваться как важный системообразующий фактор. Понятие «интеграция» подчеркивает процесс и механизм объединения частей,

приобретения целым интегральных совокупных качеств и т. п., т. е. фиксирует те свойства объекта, которые способствуют, во-первых, объединению частей в целое; во-вторых, сохранению целого как единства определенных частей. В этом смысле интеграция является оборотной стороной целостности, ее «вторым Я» [152, с. 13]. Сама целостность есть результат интеграции частей целого, поэтому главные структурные законы целого суть законы интеграции, а его системные качества – феномен интеграции.

Как известно, первые представления о «системе», онтологическое понимание системы как упорядоченности и целостности бытия возникают уже в античной философии. А Аристотелем было высказано предположение о связи целостности объектов и интегративности как свойстве целостности. Он пришел к выводу о том, что человека, растения, животных надо рассматривать как ярко выраженные целостности, которые невозможно описать просто как совокупность частей, поскольку в этих случаях «целое» оказывается больше просто совокупности своих частей. То есть «целое» дает эффект, так сказать, «избытка», выражаясь терминологией Аристотеля («Физика»). Выявив и исследовав природу этого «избытка», Аристотель обнаружил, что природа «избытка» никак не выводится из составляющих объект частей. Тогда Аристотель предположил, что этот «избыток» порождается спецификой взаимодействия частей «целого».

В теории систем для объяснения этого феномена было введено понятие эмерджентности, т. е. целостного эффекта. Он рассматривается как всякий эффект взаимосвязи, взаимодействия, несводимый к сумме отдельных частей. Несмотря на имеющееся в науке мнение, что это определение недостаточно продуктивно для исследования живых организмов, к каковым относится и человек, в силу неясности того, как формируется эта несводимость [153, с. 15], философы и антропологи отмечают, что эффект эмерджентности может служить исходным принципом в исследовании целостных систем. Кстати, новое понимание принципа целостности, изложенное нами ранее, не противоречит принципу эмерджентности, как мы уже отмечали. Возможное противоречие снимается введением понятия информации вместо субстрата.

Нами (человечеством) был пройден, как нам самим кажется, долгий путь в изучении самих себя. И этот путь подтверждает базовое представление древнейших натурфилософских концепций о параллелизме и изоморфности «микрокосмоса» и «макрокосмоса» – малого и большого миров. Представление о человеке как своего рода «ключе» к

разгадке тайн универсума нашло отражение в западной и восточной мифологии, в античной философии. Это и скандинавский Имир (первый человек – великан) в «Эдде», и Пуруша в Ведах – космогоническая мифологема «вселенского человека» и китайский Пань-Гу.

Здесь можно вспомнить (как мы уже отмечали) и одно из трех важнейших течений в китайском буддизме – школу Хуаянь, одним из базовых представлений которой было следующее: одно во всем, все в одном, все во всем [154, с. 309].

Считается, что впервые понятие «микрокосмоса» применительно к человеку было введено Демокритом (V–IV вв. до н. э.), который считал, что человек содержит в себе все стихии космоса и состоит из тела и души [155]. По Демокриту, душа человека состоит из особых атомов, которые отличаются от атомов, составляющих души животных, и потому обладает разумом. Великие греки Сократ и Платон (V–IV вв. до н. э.) также считали разум основным свойством души человека. Понимание человека, присущее всей античной философии, выразил Аристотель (IV в. до н. э.). По Аристотелю, человек – живое существо, наделенное духом, разумом и способностью к государственной жизни. Античная философия видела уникальность человека, его *differentia specifica* (отличительные особенности) в том, что он обладает разумом [156]. С приходом христианства в Европу получает развитие представление о человеке, созданном Богом по образу своему и подобию, обладающем свободой в выборе добра и зла, о человеке как личности и развивается теологическая установка на богоизбранность человека. Средневековые христианские философы и богословы считали, что человеческий разум, подвергающийся все сомнению, должен опираться на веру.

В эпоху Возрождения западноевропейские философы стали рассматривать индивида с неограниченными творческими возможностями, стремящегося к земному счастью [157]. Эпоха Просвещения, «век разума», прославляла «здравый смысл» человека и его политическую свободу. Ж.О. Ламетри, французский философ-материалист и атеист, оказавший значительное влияние на таких известных представителей Просвещения, как К. Гельвеций, Д. Дидро, П.-А. Гольбах, в своем трактате «Человек – машина» фактически подтверждал античную идею единства микро- и макрокосмоса. Он утверждал: «Во Вселенной существует всего одна только субстанция и человек является самым совершенным ее проявлением» [158, с. 236]. В XVIII–XIX вв. в трудах И. Канта рождается идея создания философской антропологии. Вопрос «Кто есть человек?» Кант назвал основным вопросом философии. Вообще,

в немецкой классической философии (И. Кант, Г. Гегель, Ф. Шеллинг, И. Фихте) человек рассматривался как субъект духовной деятельности, создающий мир культуры. Ученик и оппонент Г. Гегеля, Л. Фейербах, критиковал эти, как он считал, идеалистические взгляды и видел в человеке лишь чувственно-телесное существо. В философском направлении позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер) человек рассматривался как атом общества. Особенно трепетное отношение к человеку как личности выразили представители философии экзистенциализма и персонализма: С. Кьеркегор, В. Дильтей, М. Хайдеггер и др.

К экзистенциальным проблемам существования человека относятся философские вопросы смысла жизни человека и его свободы. В мощном, фундаментальном (что бы там ни говорили его некоторые бывшие апологеты, а ныне критики) учении К. Маркса об обществе сущность человека рассматривается в связи с общественно-историческими условиями его жизнедеятельности, с его сознательной деятельностью, в процессе которой человек становится и предпосылкой, и продуктом истории. Вслед за К. Марксом его последователи, выделяя значение общественного в человеке, в то же время учитывают сложное взаимодействие социальных и биологических факторов, не отрицают значения специфических качеств личности.

С прошлого года, как известно, градус критики трудов К. Маркса со стороны неолиберальных экономистов и со стороны западного общества в целом резко снизился. В связи с глобальным кризисом лопнули не только финансовые, но и репутационные пузыри неолиберальных экономических концепций, а продажи трудов К. Маркса (в первую очередь, «Капитала») в одной только Германии выросли в 7–10 раз.

Надо отметить, что марксово понимание природы, сущности человека получило дальнейшую разработку в трудах советских ученых, а также представителей так называемой Франкфуртской школы (Хоркхаймер, Адорно, Фромм, Маркузе, Хабермас). И хотя эта школа в 70-х гг. XX в. по существу распалась из-за углубления противоречий между ее представителями, но все же она оказала значительное влияние на развитие неомарксистской социальной и философской мысли в США и ФРГ и на формирование идеологии так называемых «новых левых» [159, с. 272]. В трудах представителей вышеназванной школы, в трудах советских философов были раскрыты особенности философско-антропологической концепции К. Маркса и было показано, что К. Маркс рассматривал развитие человека одновременно как процесс растущего отчуждения человека от результатов своего труда, как процесс превращения человека в

пленника тех социальных институтов, которые он сам и создал. Именно в процессе такого растущего отчуждения человека от результатов своего труда он (Человек) превращается в ту самую ощипанную птицу, которую Диоген когда-то предъявлял Платону.

Словом, в течение тысячелетий все новые и новые поколения философов стремились ответить на вопрос «Кто есть человек?», в чем его *differentia specifica*. Однако по-прежнему этот вопрос остается самым спорным вопросом не только философии, но и всего Знания в целом. Попытки создания сущностного определения человека, построения единой концепции природы человека дескриптивным, атрибутивным и сущностным способами, собственно, и составляют историю философской мысли. Причем такая концепция должна согласовываться с эмпирическими данными конкретнонаучного знания о свойствах человека, с мировоззренческим анализом других областей культуры (тех ее сфер, которые имеют отношение к природе человека). С начала XX века в философии (в первую очередь, западной) формируется тенденция преодоления сциентистской трактовки философии и осознания важности соединения рефлексии над наукой с мировоззренческим анализом других областей культуры. Эта тенденция сохраняется и сейчас, и развивается она в условиях сближения современного научного знания с религиозными, мистическими воззрениями, эзотерическими знаниями, в условиях, когда, по мнению современных известных физиков, «в будущем всеобъемлющая теория материи должна будет включать сознание как неотъемлемую и главную часть» [11, с. 465].

Строго научное исследование человека начинается во второй половине XIX в. Многие исследователи тогда отмечали, что наука, наконец, дошла до человека, направила свой опыт на душу человека, что предметом ее стало исследование человеческого мышления в процессе развития своей структуры и содержания мышления, его углубленных в историю корней [160; 161]. В настоящее время специальными научными исследованиями охвачены практически все свойства или стороны человека как индивида или вытекающие из его отношения к природе и миру культуры. В человековедении накоплен огромный массив знаний, касающийся всех сторон жизнедеятельности человека, сложного переплетения его биологической и социальной составляющих.

Человековедение ныне представляет собой обширную область научных исследований, в которой точками роста являются новые научные дисциплины. И, конечно же, результатом такого бурного развития стала постановка вопроса (в первую очередь, со стороны философов) о

создании единой науки о человеке, предметом которой стал бы человек во всех своих свойствах и отношениях с внешним (как природным, так и социальным) миром. Создание единой науки о человеке предполагает огромную работу не только по переосмыслению богатейшего опыта философских антропологий, но и поисков сопряжения этих исследований с результатами новейших конкретнаучных исследований.

Как мы уже отмечали ранее, новая «синтезирующая», «интегральная», или, как ее еще называют некоторые исследователи (Г.А. Югай), «универсальная» философия, новые в известной степени методологические подходы к исследованию проблем человека, понимание «духовности», представленное нами в этом исследовании, опираются в том числе на очень интересные, в некоторых случаях – парадоксальные и экстраординарные научные концепции и исследования. Это, например, новое научное направление, разработанное польским математиком (эмигрировавшим в США), Бенуа Мандельбротом. Он назвал это направление «Теория хаоса» и изложил эту теорию в книге «Фрактальная геометрия природы» (1997) [162]. На основе систематизированных им загадочных явлений физики, химии, физиологии, ботаники Б. Мандельброт пришел к выводу, что самые сложные, запутанные, фрактальные формы полтергейста требуют готовности признать, что наш мир, как всякая монета, двусторонен. Одну сторону – вселенскую – творит только Абсолютный Разум, пронизывающий мерности и пространства. Другую сторону нашего бытия, согласно Б. Мандельброту, этот же Разум творит в сотворчестве с людьми, их эмоциями, воображением, снами, интуицией. В результате получается «волшебство» с уродливым, далеко не всегда милосердным лицом. То есть деятельность человека оказывает влияние на реальность, на ее формирование.

Эту «теорию хаоса» поддерживает теория «диссипативных» структур И. Пригожина и И. Стенгера, согласно которой, любая часть таких систем, находящихся в состоянии бифуркации, может повлиять на следующее состояние этой системы. Такие теории служат, в свою очередь, естественнонаучным и методологическим обоснованием нового понимания принципа целостности. «Теорию хаоса» Б. Мандельброта (а вместе с ней – и новое понимание принципа целостности, а также изложенное нами понимание духовности) «поддерживают» интереснейшие, ошеломляющие исследования так называемых «пси-оболочек», проведенные группой исследователей под руководством британского физика, теоретика и экспериментатора Макхоя Майлза. Как известно, структуры, идентифицированные как «души» и получившие название

«пси-оболочек», были открыты еще в начале семидесятых годов прошлого века. Сразу возникла необходимость ответить на труднейший вопрос: содержат ли они какую-либо полезную информацию и, если да, то откуда эта информация поступает, как обрабатывается, используется. Группа М. Майлза выяснила экспериментально, что каждый из нас является носителем шести таких оболочек, непрерывно отторгаемых, пронизывающих и сканирующих Вселенную. Они-то и несут строго дозированную информацию обо всех без исключения событиях нашей жизни, наших эмоциях, мыслях, желаниях, намерениях.

Процесс этот длится от момента рождения человека и до смерти, после чего «пси-оболочки» эволюционируют, и самые совершенные из них становятся составной частью, как говорит М. Майлз, «чего-то сверхсовершенного, условно говоря, божественного, абсолютного Разума» [163, с. 12]. М. Майлз называет этот абсолютный Разум не только демиургом, но безотказно работающей «машиной времени», «база данных» которой заполнена неисчерпаемыми сведениями о событиях прошлого, настоящего и будущего. Далее М. Майлз говорит, что «экспериментаторы пришли к выводу о том, что все поступки наших современников могут влиять на то, как будет развиваться цивилизация Земли в будущем. И, что ошеломляет, но вполне допустимо, – даже на особенности общественного строя далекого прошлого. Получается, что наш индивидуальный разум, взаимодействуя с Абсолютом, разрушает, созидает, пророчествует» [163, с. 13]. Невероятные выводы! Однако М. Майлза и его группу поддерживают многие физики, изучающие тайны глубокого вакуума, высоких энергий, пространства-времени, многомерностей, сверхпроводимостей. Они поддерживают в том числе и выводы группы М. Майлза о том, что «пси-оболочки» души, по всей видимости, представляют собой самый глубокий из известных уровней материи, осознающей самоё себя. С этими исследованиями перекликаются эксперименты А. Охатрина и Р. Сперри по мыслеформам, из которых следует вывод о микролептонной природе мысли [164]. Сюда же можно отнести и положение из Агни-Йоги о том, что мысль есть тончайшая из энергий.

Важность всеобщих связей, в основе которых лежит «некая изначально заданная данность» (В. Налимов), подчеркивал выдающийся физик-теоретик, экспериментатор Никола Тесла, который утверждал, что любое действие сколь угодно малого существа влияет на реальность. О важности всеобщих связей, причинно-следственных связей говорили не только великие ученые, но и великие писатели. Не те пи-

сатели, которых Этьен Кассе в своей смелой, замечательной трилогии «Третья мировая психотронная война. Она уже началась ...» (2006) относит к «многочисленной армии манипуляторов» [165], а такие замечательные писатели, как, например, Р. Бредбери. В своем рассказе «И грянул гром» он заостряет внимание на важности причинно-следственных связей, всеобщих связей: все мы помним, как маленькое событие (человек наступил на бабочку) повлияло на будущее.

Современные научные исследования все чаще приносят столь парадоксальные данные, что многие ученые заговорили о необходимости борьбы с лженаукой. В России при Академии естественных наук (РАЕН) даже создана комиссия по борьбе с лженаукой, в которую вошли авторитетные ученые. Здесь, однако, следует отметить, что в беспокойный, революционный период смены научных парадигм действительно пышным цветом расцветают лженаучные, квазинаучные исследования и, соответственно, ложные выводы, следующие из них.

В современной науке складываются тенденции, которые могли бы открыть блестящие перспективы перед человечеством. К ним можно отнести тенденции к переконструированию биологической основы человека в контексте достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Так, ведутся исследования по повышению качества крови (наследуемый высокий уровень гемоглобина). Разрабатываются способы внедрения микрочипов, которые обеспечивали бы лучшее функционирование нервной системы человека. Проводятся операции по имплантации в мозг силиконовых микрочипов, обеспечивающих восстановление функций, утраченных в связи с болезнью Паркинсона. Не так давно стало известно, что американские ученые из Университета Северной Каролины готовы ставить на ноги парализованных [166, с. 11]. Сначала опыты проводились на обезьянах, в ходе которых был получен сенсационный результат: силой мысли животное смогло воздействовать на объект на расстоянии при помощи внедренных в голову обезьяны нескольких микрочипов, каждый из которых содержал по 64 электрода, реагирующих на движение нейронов в моторной коре. Технология прижилась, и сейчас с ее помощью многие парализованные люди могут работать с компьютером, включать-выключать телевизор и свет.

Недавние сенсационные исследования британских медиков свидетельствуют о том, что сознание, возможно, может существовать отдельно от головного мозга. Отсюда возникает давний спорный вопрос: существует ли «душа?» Британские медики изучили истории болезни и лично опросили 63 кардиологических больных, побывавших в со-

стоянии клинической смерти. Скрупулезно изучив медицинскую документацию этих больных, медики сделали вывод о том, что традиционное представление о прекращении работы мозга из-за дефицита кислорода ошибочно. Ни у одного из больных, побывавших в состоянии клинической смерти, не было зафиксировано существенного снижения содержания кислорода в тканях центральной нервной системы. А ведь те удивительные состояния, которые переживали пациенты, происходили в тот момент, когда мозг уже не мог функционировать и, соответственно, воспроизводить какие-либо воспоминания. Отсюда доктор Сэм Парниа из Центральной клиники Саутгемптона (Великобритания) делает вывод: «Я думаю, что сознание человека не является функцией мозга. А если это так, то сознание вполне может продолжать свое существование и после физической смерти тела... По моему мнению, наш мозг нужен нам лишь в качестве приемника-преобразователя. Он работает как своего рода «живой телевизор», который сначала воспринимает волны, которые в него попадают, а потом преобразует их в изображение и звук, из которых складываются целостные картины» [167, с. 9].

В начале XXI в. литовский ученый Э. Кутис из Института полупроводников Академии наук Литвы вернулся к старым опытам по определению веса «того неизвестного, что называется душой» (Мак Дугалл), и установил, что в момент смерти человек теряет от 2,5 до 6,5 граммов. А другой современный американский ученый, врач-психиатр госпиталя «Синай» в Детройте Пол Парселл на вопрос о том, где помещается эта абстрактная материя, имеющая вес (душа), отвечает: в сердце. Он доказывает это на широкой экспериментальной базе, и даже впоследствии выпустил книгу «Код сердца», которая всколыхнула как научную общественность, так и широкую публику. В пользу существования «души» неоднократно высказывалась знаменитый нейрофизиолог Наталья Бехтерева.

Кстати, в XX в. исследования А. Охатрина и Р. Сперри привели этих ученых к выводу о микролептонной природе мысли, т. е. о том, что мы способны воздействовать своими мыслями и чувствами на сколь угодно отдаленные от нас материальные объекты, поскольку частицы класса лептонов (нейтрино), а уж тем более класса микролептонов, распространяются на неограниченные расстояния. Соответствует этим выводам также теория «морфогенетического резонанса» знаменитого биохимика Руперта Шелдрейка [168]. Совсем недавно в интервью газете «Комсомольская правда» академик РАМН, профессор, директор Российского геронтологического научно-клинического центра Рос-

здравица В. Шабалин сказал буквально следующее: «открытие методики клонирования показало возможность «реконструкции» человека... даже из последней оставшейся живой клетки его тела. Сама клетка несет голографический образ организма, в состав которого она входила. А ее генетический набор содержит в себе полную информацию о живом организме. Получается, что нельзя констатировать наступление смерти особи, если осталась хотя бы одна его живая клетка... смерть – это перерождение в другую форму бытия» [169, с. 10].

Можно много и долго восхищаться потрясающими результатами современных научных исследований, но у них (исследований) есть еще и другая сторона, относительно сути которой коротко и ясно высказался замечательный историк и методолог науки Ф. Капра: «...открытия в современной физике предложили исследователям два пути: первый ведет к Будде, второй – к Бомбе, и каждый ученый сам волен выбрать свой путь» [12, с. 3]. Очень симптоматично для современной науки следующее высказывание польского автора С.Е. Леца: «Наука скоро откроет Бога, и я заранее трепещу за его судьбу» [22, с. 4]. И даже политик У. Черчилль предупредил, что «каменный век может вернуться к нам на сияющих крыльях науки». Столь пессимистический настрой, опасения в отношении направления и следствий развития научных исследований связаны с тем, что современная наука является продуктом постиндустриального, техногенного типа развития, который в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Техногенный тип развития порождает процессы сжатия пространства и времени, которые многие исследователи называют глобализацией.

Одной из сущностных характеристик глобализации является унификация, которая, на первый взгляд, дает большие возможности для развития самых разных сторон жизнедеятельности человеческого общества (коммуникации, перемещение товаров и денег и т. д.), но есть еще обратная сторона этого явления, может быть, не столь явная, но, тем не менее, очень важная для перспектив развития человечества. Речь идет об отчуждении, в самом широком смысле этого слова, человека от результатов своего собственного труда. Кроме ускоряющихся процессов отчуждения, к побочным продуктам техногенного развития можно отнести, конечно же, экологический и антропологический кризисы, создание все новых и новых видов оружия массового уничтожения. Что касается экологического кризиса, то можно отметить появление тенденций осознания того, что этот кризис будет только возрастать по мере реализации

многими странами идеалов общества потребления. Однако, и здесь есть попытки внести политическую составляющую в экологическую деятельность. Некоторая часть научной и околонаучной общественности усматривает в такой деятельности попытки ограничить свободу частной инициативы, можно также констатировать наличие эгоизма как на уровне государств, так и на уровне корпораций. Яркий пример вышесказанного – сложности с подписанием Киотского протокола.

Одной из главных опасностей углубляющегося антропологического кризиса является опасность изменения генофонда человечества под действием мутагенных факторов, сформированных в результате деятельности человека. Так, британские и американские исследователи с тревогой отмечают следующий, появившийся в последнее время факт разрушения Y-хромосомы, определяющей пол, у многих мужчин.

Наблюдается тенденция роста и других видов повреждений генотипических структур. Естественный отбор в форме действия природных факторов сохранения генофонда в человеческом сообществе резко ограничивается.

Другой опасной стороной антропологического кризиса становится возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок. В современной жизни, когда происходит все убыстряющееся сжатие пространства и времени, выражающееся в обострении конкуренции в любых областях деятельности, в информационной, аффективной и сенсорной перегрузке, человек погружается в перманентные стрессовые состояния. А такие состояния ведут, в свою очередь, к перманентному росту психических, сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, причем отмечается факт «возрастного омоложения» этих болезней. Многие ученые считают, что верхний порог адаптационных возможностей человека давно пройден и что вполне возможно формирование тенденций инволюции.

Еще одной стороной антропологического кризиса, как уже отмечалось ранее, являются современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Сформировано и введено в обиход понятие «постчеловек», которое включает в себя в качестве одной из основных идею изменения биологической основы человека.

Все перечисленное выше является составной частью процессов глобализации, которые носят, по мнению многих, объективный характер. Однако, немалая часть мирового сообщества придерживается той точки зрения, что большую роль в процессах глобализации играют субъективные факторы. То есть богатые страны, определенные круги в них

«используют глобализацию как еще один инструмент эксплуатации и создания барьеров для развивающихся стран, с одной стороны, и активной поддержки собственных экономик, – с другой» [170, с. 8]. Причем поддержку получают, прежде всего, ТНК – транснациональные корпорации.

Вышеназванной задаче подчинено все. Так, Этьен Кассе в своей знаменитой книге «Третья мировая война. Она уже началась...» пишет, что «...средства массовой информации впору переименовать в средства массовой манипуляции» [165, с. 167]. И далее: «...если окинуть внимательным и непредвзятым взглядом всех журналистов, кинематографистов, популярных писателей Запада, становится ясно: это настоящая армия манипуляторов, армия в штатском, основная ударная сила Третьей мировой, не менее, а может, даже и более важная, чем все «Катрины» (ураган – Р.С.) и «Звездные войны»» [165, с. 169]. В этой удивительно смелой книге Э. Кассе обвиняет и Церковь, которая «рука об руку с транснациональными корпорациям (ТНК)» семимильными шагами движется к господству над миром» [165, с. 186]. Ему вторит известнейший американский историк Говард Зин, который в своей изданной несколько лет назад книге «Народная история США» утверждает, что, несмотря на внешне демократические институты управления, большинство американцев было отсечено от управления, от властных институтов, от механизмов выборов и влияния, и что все определяли финансовые возможности элитных группировок.

Бывший президент Италии Франческо Коссиги заявил в интервью газете «Corriere della Sera», что «это ужасное нападение (11 сентября 2001 года – Р.С.) было спланировано и реализовано американским ЦРУ и «Моссадом» при помощи сионистских кругов, дабы предъявить обвинения арабским странам и убедить западные державы совершить интервенции в Ираке и Афганистане» [171, с. 6]. Можно вспомнить и слова бывшего министра иностранных дел Великобритании Робина Кука, который выступил с протестом против войны в Ираке, а через два года внезапно умер в горах Шотландии. А сказал он буквально следующее: «Правда состоит в том, что нет никакой исламской армии или террористической организации, именуемой Аль-Каида, и любой информированный офицер разведки об этом знает. Но есть пропагандистская кампания с целью заставить общественность поверить в существование некоей организации, представляющей «дьявола», – исключительно для того, чтобы телезритель смирился с единым международным руководством для ведения войны с терроризмом» [171, с. 6].

Европейский союз совсем недавно рассматривался многими как олицетворение демократии. Но 19 ноября текущего года там прошли выборы первого президента. Но избирали его не 500 млн. человек, проживающих в Евросоюзе, а 27 лидеров государств Европы за ужином в Брюсселе. Пост президента учрежден согласно Лиссабонскому договору. Ранее этот договор назывался Европейской конституцией, которая была отвергнута на референдумах во Франции и Нидерландах, а потому после косметических изменений этот документ «втихую» стали одобрять парламентами.

Что касается развивающихся стран, то здесь Запад дает элитам иллюзию причастности к глобальному управлению, а народам этих стран, наоборот – ощущение непричастности к делам своей страны. Поражает откровенный цинизм отдельных представителей западной элиты. Так, совсем недавно один из крупнейших банкиров «Голдманн Сакс» в Европе, будучи в Церкви святого Петра в Риме, сказал буквально следующее: «Соблюдение заповеди Христа о том, что к ближнему надо относиться как к самому себе, является своекорыстием. Мы должны принять неравенство» (ТВЦ, «События» от 22.11.2009).

Все перечисленное выше составляет содержание усиливающегося процесса отчуждения человека от результатов своего труда, вследствие чего снижается социальная активность в обществе. Наш мир, в том числе и человеческое сообщество, построены на энергообмене, поэтому снижение социальной активности увеличивает вероятность застойных явлений в обществе, снижает положительную динамику его развития. Так в чем же выход? Современная наука подсказывает его нам, предлагая синергетический подход к изучению человеческих сообществ. В контексте этого подхода человеческие сообщества рассматриваются как неравновесные, нелинейные, сложные системы, приближающиеся время от времени к точке бифуркации, в которой от поведения каждого члена сообщества зависит сценарий общего будущего. Поэтому каждый человек должен проявлять гражданскую активность не только посредством участия в выборах, но и участием в таких институтах гражданского общества, как НПО, различные общественные организации и движения. Как говорит Джессика Уильямс: «...присоединение к неправительственной организации – не единственный способ изменения мира. Всегда помните о подходе «думай глобально, действуй локально»; некоторые крупные изменения, которые мы наблюдаем в настоящее время, особенно в сфере экологии, в свое время начинались с очень небольших действий» [170, с. 340].

От себя к этим словам мы можем добавить известную народную мудрость: капля камень точит.

В современных исследованиях общей теории систем утверждается, что любая сложная развивающаяся система должна содержать информацию, обеспечивающую ее устойчивость. В роли таких информационных структур в человеческом сообществе выступают мировоззренческие универсалии. Система мировоззренческих универсалий – это своеобразный культурно-генетический код, в соответствии с которым воспроизводятся социальные организмы. Радикальные изменения социальных организмов невозможны без изменения культурно-генетического кода. Кроме того, экономическая жизнь человеческих сообществ во многом может быть понята с точки зрения доминирующих культурно-генетических кодов, базисных ценностей соответствующих цивилизаций. С точки зрения К. Маркса, способ производства определяет и социальную, и духовную жизнь общества. С точки зрения М. Вебера, экономическая жизнь воспроизводится и укореняется в зависимости от базисных ценностей культуры. В современных условиях, скорее всего, целесообразно сочетание двух этих подходов. Для сверхзадачи выживания необходима замена существующих базисных ценностей (линейный рост, конкуренция на грани выживания, свобода частной инициативы и т. д.) на новую ценностную парадигму, в основе которой должна лежать новая этика ответственности и единения. Эта новая этика должна содержать простые и понятные принципы, синтезирующие весь позитивный духовный, научный и практический потенциал, накопленный в течение тысячелетий народами нашей планеты и содержащийся в их культурных традициях. Основой этой новой этики должен стать принцип ответственности в самом широком смысле слова, в том числе, признание законов духовного единения и взаимосвязи в качестве приоритета для построения всего комплекса взаимоотношений Человека, Общества, Вселенной.

Таким образом, из всего сказанного выше следует вывод: необходимо формировать нравственный императив, поведенческий императив, суть которых, на наш взгляд, была выражена еще в знаменитой триаде Заратуштры: добрая мысль, доброе слово, доброе дело. Стратегия поведения определяется принципом: «мысли глобально, действуй локально» [170, с. 340]. От тебя зависит очень многое. Наше общее будущее формируется здесь и сейчас и каждым из нас. А экология человека с включенным в ее предметную область новым, изложенным нами пониманием духовности, может стать той мегатеорией, которая представит

мировоззренческие и концептуально-методологические основания изложенного нами выше нравственного и поведенческого императивов. Надо отметить, что в настоящее время любая теория, претендующая на «мегастатус», не может не включать в себя духовное измерение на основе изложенного нами понимания духовности, в котором нравственность с необходимостью включает в себя осознание каждым человеком своего единства с окружающим миром и, соответственно, ответственность не только за себя, но и за окружающий мир. Конечно, нравственный императив обеспечить очень непросто. Как писал Ж. Бодрийяр в своей книге «В тени молчаливого большинства, или конец социального» (1978) [172], в которой изложена одна из наиболее разработанных в современной философии концепций природы социального, «призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они – суть инерция, могущество инерции, власть «нейтрального»». В связи с этим можно напомнить, что еще Марк Твен иронично отмечал, что есть свобода слова, есть свобода совести, а есть свобода не воспользоваться ни первым, ни вторым. Однако обеспечить нравственный императив жизненно необходимо.

Кстати, возвращаясь к мысли о преемственности в системе знания и Ж. Бодрийяру, хотелось бы отметить, что в своих более поздних произведениях, написанных в 90-е г. прошлого столетия и посвященных теме «конца конца» («Иллюзия конца», «Безразличный пароксизм», «Идеальное преступление»), Ж. Бодрийяр конструирует конец метафизики, метаязыка, метафоры в пользу чистого знака, чистого события. Однако, в отличие от него, многие исследователи считают, что у метафизики есть будущее в составе новой интегральной или универсальной философии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предмет экологии человека должен с необходимостью включать в себя не просто здоровье в физиологическом плане, а и в немало важной степени духовное здоровье человека, основанное на новом понимании принципа целостности, который, в свою очередь, опирается, прежде всего, на холономно-голографический подход, теорию единого поля, «шнуровочную» философию Джеффри Чу, теорию процессов Артура Янга, теорию диссипативных структур И. Пригожина и И. Стенгерс, теорию самоорганизации и, конечно же, переосмысленное с точки зрения современной науки всемирное философское наследие.